

МОСКВА была любима ею, и она любима Москвой. Большая Ордынка, Волхонка, Остоженка, Кропоткинская, Беговая помнят звук шагов «прекраснейшей из муз» — Анны Ахматовой.

— И я дарю тебе свой
колокольный град,
Ахматова! — и сердце свое
впридачу.

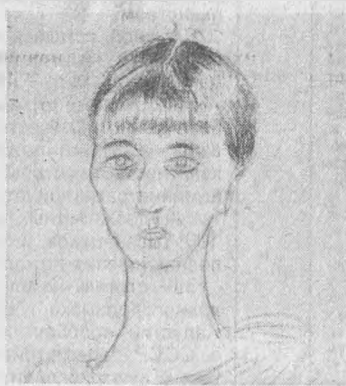
Такой щедрый дар преподнесла Марина Цветаева товарищу по судьбе — поэту с величественным именем Анна. И дар был принят. Воспитанница Петербурга и Петрограда, Ахматова не гостьей вошла в первопрестольную, как и всякая вечунья, предвидя «тот московский день, когда я город навсегда покину и устремлюсь к желанному притищу, свою меж вас еще оставив тень».

Московские адреса Анны Ахматовой многочисленны. Сейчас известно около ста домов, квартир, где она жила, иногда подолгу, где гостила, навещала друзей или бывала по делам. Но знакомство с «ахматовской Москвой» хочется начать с квартиры в новом многоэтажном доме в Медведкове. Здесь Анна Андреевна не бывала и не могла бывать. Но здесь она прописана давно и навсегда.

«Все в Москве пропитано стихами», — писала Анна Ахматова в 1963 году. В этой квартире все пропитано ахматовскими стихами. Звучит с пластинок ее голос, она смотрит с многочисленных фотографий, рисунков, репродукций — совсем еще юная и уже все понявшая и принявшая в жизни.

Ирина Николаевна и Марк Николаевич Баженовы не считают свою квартиру музеем, хотя в их ахматовской коллекции около семи с половиной тысяч единиц хранения — так по-канцелярски сухо называются все богатейшие материалы, собранные супругами за тринадцать лет. Среди них — книги Анны Ахматовой и отдельные публикации ее стихов, статьи и труды о ее творчестве, воспоминания современников, произведения поэта в переводах на другие языки, стихи, посвященные Анне Андреевне. Отдельные разделы: Ахматова-пушкинист, Ахматова-переводчик, Ахматова и музыка, Ахматова в творчестве русских и зарубежных художников... И все расставлено, развешено, разложено, рассортировано по папкам, расклеено по альбомам. На каждый материал — аннотированная библиографическая карточка, помогающая моментально разыскать все, что нужно. В квартире Баженовых удобно работать ахматоведом — все под рукой. И здесь часто бываю посетители.

Однако Баженовы не относят себя к ахматоведом, и по роду трудовой деятельности с «царскосельской музой» не связаны — Ирина Николаевна работает старшим научным редактором издательства «Педагогика», Марк Николаевич в прошлом врач-подводник. Но оба они — из ахматовского братства, объединяющего людей, для которых имя поэта служит паролем, позывными. И они убеждены, что человек, принявший Анну Ахматову в сердце, живет,

«Все в Москве пропитано стихами...»

видит мир совсем по-иному, чем «обычный смертный».

Отсюда, из квартиры Баженовых, тянутся невидимые нити в различные уголки Москвы и Подмосковья, сплетаясь, завязывая в узелки судьбы разных людей, которых поэт дарил своей дружбой или вниманием.

Московские периоды жизни Анны Ахматовой в большей степени связаны с семьей Ардовых. Она жила у них и в Нащокинском переулке, и на Большой Ордынке, проведя в доме гостеприимных хозяев с 1934 по 1965 год не меньше времени, чем в Ленинграде.

Познакомилась Анна Андреевна с Ардовыми в квартире Мандельштамов в первом московском писательском доме по Нащокинскому переулку (теперь улица Фурманова), 3/5. Этого строения сейчас нет, но здесь витает тень Ахматовой, ибо очень многое связывает ее с данным местом, где провела она немало счастливых вечеров в обществе своих друзей, где впервые ощутила горечь близкой потери. Она была свидетельницей первого ареста Осипа Мандельштама в ночь с 13 на 14 мая 1934 года. А год спустя в соседней квартире, у Булгаковых, с помощью Михаила Афанасьевича составляла прошение на имя Сталина с просьбой освободить сына Льва Николаевича Гумилева и мужа Николая Николаевича Пунина, арестованных накануне в Ленинграде.

Это письмо через Лидию Сейфуллину и ее знакомых было передано секретарю ВЦИК Авелю Енукидзе, и в этот раз все закончилось благополучно. На

квартире у Бориса Пастернака, жившего тогда на Волхонке, 14, Анна Ахматова получила радостную весть об освобождении близких ей людей. Сообщил об этом по телефону А. Поскребышев, и 3 ноября 1935 года вся семья вновь была в сборе. К сожалению, ненадолго.

Подолгу жила Анна Ахматова у своей подруги, поэтессы и переводчицы Марии Сергеевны Петровых в доме на углу Хорошевского шоссе и Беговой улицы, а также у Любови Давыдовны Большинцевой — Стенич в Сокольниках, на улице Короленко, 7. Все, что связано с пребыванием Анны Андреевны в этих домах, уже хорошо известно литературоведам и почитателям творчества поэта.

А вот о дружбе Анны Ахматовой с семьей Петровских знают немногие, хотя в их доме хранятся бесценные автографы поэта. С Федором Александровичем Петровским, переводчиком с латыни и искусствоведом, Анна Андреевна познакомилась в 1936 году в Ленинграде на Пушкинском вечере. Завязавшиеся дружеские отношения продолжались в Москве, где Ахматова познакомилась с женой Федора Александровича — Марией Васильевной Вахтеровой. Она не раз бывала в этой семье и на улице Грановского и, после их переезда, в писательском доме на улице Чернышевского. Свидетельствами этих визитов стали подаренные Петровским книги с автографами, а главное — два машинописных варианта «Поэмы без героя», над которой Анна Ахматова работала около 25 лет.

Один текст был подарен ав-

тором после возвращения из ташкентской эвакуации в 1944 году. На нем много правок, сделанных рукой Ахматовой, что позволяет проследить процесс работы над поэмой. Второй вариант этого произведения, также с дарственной надписью, появился в доме Петровских в 1946 году.

Еще одна путеводная нить ведет нас в высотный дом на Устинской набережной. И начинается она с почтовой открытки, хранящейся в одном из альбомов коллекции Баженовых.

«Уважаемый товарищ Баженов, простите открытку — нет конверта. Ответ задержала, была нездорова, была занята. Статуетку А. А. мне подарила лично (А. А. дарил меня своей дружбой). А. А. пообещала мне достать еще одну статуетку — такую же с тем, чтобы мою я отдала Вечесловой. Но ей не удалось достать, тогда она отдала мне гипсовый слепок со своей руки. Он у меня есть, слепок испорчен, его копировали, я не умела отказывать на просьбы некоторых лиц, любящих крепко Великую Ахматову. Дать не помню. Очень тоскую по А. А. В обычном человеческом понятии была она так же прекрасна, как и в творческом. Без нее сиротство мое мне нестерпимо. Тяжко. Писать толково не умею. Примите мои добрые пожелания. Ваша Раневская. 13.IV-82 г.»

Эту открытку, положившую начало дружеской переписке, Баженовы получили в ответ на свое письмо Фаине Раневской с просьбой рассказать о судьбе фарфоровой статуетки «Анна Ахматова», выполненной Н. Данько и отлитой на Ленинградском государственном фарфоровом заводе в 1924 году. Как видно из ответа, актриса подарила свой экземпляр статуетки, по согласованию с Анной Ахматовой, ленинградской балерине Татьяне Вечесловой. А судьба гипсового слепка руки поэта, к сожалению, неизвестна. Фаина Раневская обещала подарить его музею Ахматовой, организованному коллекционером С. Д. Умниковым в Пушкине, почетным председателем общественного совета которого она являлась. Но когда за слепком приехала представительница музея, Фаина Георгиевна достала его из шкафа, поцеловала, прижала к груди и сказала, что пока он побудет у нее. Куда делся слепок после смерти актрисы — неизвестно.

«Конец надежде. И еще одной оплаканной, последней, может статься...» — писала в стихотворении, посвященном памяти Ахматовой, одна из ее подруг Светлана Сомова. Но нет, про конец здесь говорить нельзя. К Ахматовой, как и к Пушкину, можно и нужно идти всю жизнь — вот credo Ирины Николаевны и Марка Николаевича Баженовых. И в дни столетия поэта становится ясно, сколь бесконечен и прекрасен этот путь.

Л. ФОМИНА.

НА СНИМКАХ: «Автопортрет», К. С. Елисеев, «Анна Ахматова», не публиковавшаяся ранее фотография Анны Ахматовой с писателем Виктором Ардовым.

Моск. правда - 1989 - 21 марта